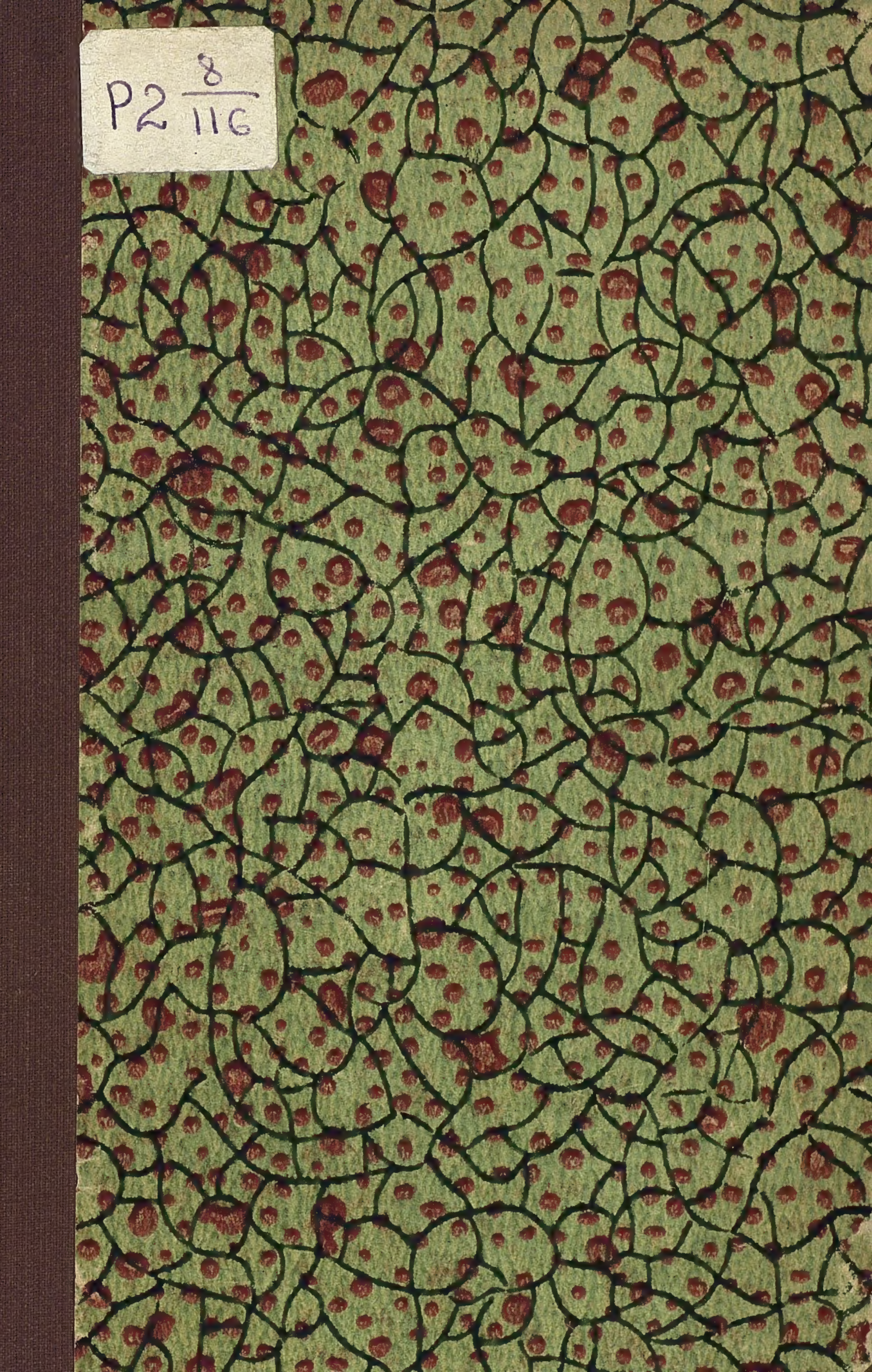
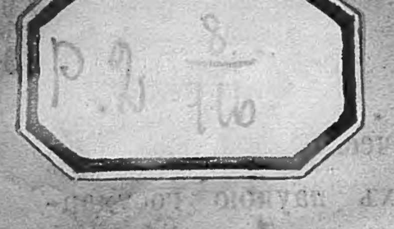

Автор: Владимирский-
рецензии Буданов, Миха-
ил Флегонтович

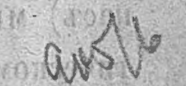

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, В. И. СЕРГѢЕВИЧА.

(Сборникъ Государственныхъ Знаній. Т. II).

Наукѣ не часто приходится праздновать появленіе изслѣдованій, подобныхъ тому, заглавіе котораго выписано нами. И выборъ предмета, и способъ изслѣдованія, и полнота затронутыхъ вопросовъ, и наконецъ важность достигнутыхъ результатовъ,— все одинаково вызываетъ привѣтъ со стороны людей, дорожащихъ успѣхами науки.

Нельзя сказать, чтобы о земскихъ соборахъ было мало писано; всѣмъ извѣстны почтенные труды К. С. Аксакова, П. В Павлова, А. П. Щапова, И. Д. Бѣляева и Б. Н. Чичерина. Изслѣдованія трехъ первыхъ носятъ одинъ общій характеръ: они представляютъ историческій разсказъ о соборахъ, а не разсматриваютъ ихъ, какъ учрежденіе, съ точки зрѣнія государственнаго права. И. Д. Бѣляевъ и Б. Н. Чичеринъ подходили къ этой точкѣ зрѣнія, но по особымъ причинамъ вдались въ своихъ выводахъ въ двѣ противоположныя крайности. Самый существенный вопросъ о земскихъ соборахъ, именно вопросъ о значеніи ихъ, оставался не рѣшеннымъ. Земскіе соборы— идеальное учрежденіе, пригодное для всѣхъ временъ,—и земскіе соборы—яркое доказательство отсутствія въ русскомъ народѣ (XVI и XVII в.) политическаго такта и смысла,—вотъ двѣ крайности, между которыми произвольно распредѣлялись мнѣнія историковъ и юристовъ объ этомъ учрежденіи.

В. И. Сергѣевичъ чуждъ увлеченія какою-либо крайностію. Онъ, выдѣливъ изъ своей задачи избирательные соборы, объективно сравниваетъ прочіе русскіе земскіе соборы съ представительными

учрежденiями Западной Европы той же исторической категорiи,—и сравниваетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, указываемыхъ наукою государственнаго права. Именно онъ говоритъ объ условiяхъ возникновенiя представительныхъ учрежденiй [1]), о сословномъ составѣ ихъ, о неопредѣленности сроковъ созыва ихъ, о цѣляхъ созыва, которыя и у насъ и въ Западной Европѣ преимущественно заключались въ рѣшенiи вопросовъ о налогахъ, о порядкѣ засѣданiй, т. е. о группировкѣ выборныхъ по сословiямъ въ отдѣльныхъ палатахъ, о постановленiи рѣшенiй, которыя слагались изъ воли государя и (единогласныхъ у насъ) мнѣнiй депутатовъ, что̀, конечно, вело къ немедленному практическому осуществленiю (т. е. рѣшенiе приводилось въ исполненiе); далѣе онъ говоритъ о продолжительности засѣданiй нашихъ соборовъ и наконецъ о значенiи ихъ сперва съ точки зрѣнiя *права*, потомъ съ точки зрѣнiя *политики*. Говоря о значенiи соборовъ со стороны права, авторъ замѣчаетъ, что «понятiе совѣщательнаго учрежденiя— новое, оно незнакомо не только Московскому государству, но ни одному изъ западныхъ на тойже ступени развитiя... Едвали можно сомнѣваться, продолжаетъ онъ, что значенiе московскихъ соборовъ не исчерпывается понятiемъ совѣщательнаго учрежденiя; оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенiя, которымъ въ дѣйствительности они пользовались». Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣятельности соборовъ съ точки зрѣнiя политики, авторъ перечисляетъ результаты, достигнутые соборною дѣятельностiю, при чемъ съ искусствомъ и правдивостiю оцѣниваетъ дѣятельность собора 1648—49 года по отношенiю къ выработкѣ Уложенiя царя Алексѣя Михайловича, и очень извѣстнаго собора 1642 года, дѣянiя котораго обыкновенно приводятся въ доказательство ничтожности значенiя соборовъ и узкихъ эгоистическихъ стремленiй всѣхъ классовъ тогдашняго общества; авторъ основательно доказываетъ, что именно этотъ соборъ даетъ лучшее доказательство того, что выборные люди руководились въ своихъ мнѣнiяхъ сознанiемъ нуждъ и пользъ государства.

---

[1]) „Вторичной формацiи", какъ онъ выражается (т. е. учрежденiй XIII—XVII в.)

По чему же погибло у насъ это учрежденіе, столь полно и вѣрно удовлетворявшее потребностямъ своего времени? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ такъ: государи перестали созывать соборы потому, что они не нравились боярамъ, окольничимъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и духовнымъ властямъ.

Вотъ масса затрогиваемыхъ вопросовъ и короткій перечень результатовъ изслѣдованія В. И. Сергѣевича. Но сверхъ этого въ началѣ статьи авторъ поднялъ общій вопросъ о значеніи сравнительнаго метода въ изложеніи исторіи.

Мы желаемъ обратить вниманіе читателя сначала на эту основную мысль, а потомъ на нѣкоторые изъ выводовъ изслѣдованія, которые очевидно обусловливаются избраннымъ имъ методомъ.

Важность сравнительнаго метода есть конечно аксіома общепризнанная. Но несовсѣмъ согласились въ томъ, къ какой цѣли направляется сравнительное изученіе: къ открытію ли сходствъ въ развитіи права у сравниваемыхъ народовъ, или для опредѣленія ихъ различій. Конечно отъ взглядовъ и направленія мысли того или другаго изслѣдователя зависитъ выборъ той или другой цѣли *преимущественно;* но всякому ясно, что истинное и полное пониманіе науки требуетъ, чтобы были достигнуты обѣ цѣли, равно важныя; обѣ они и могутъ быть достигнуты только посредствомъ сравнительнаго изученія: нельзя найти сходствъ, безъ уясненія разностей и наоборотъ.

Къ сожалѣнію наука до сихъ поръ примѣняетъ сравнительный методъ односторонне; такъ В. И. Сергѣевичъ утверждаетъ, что этотъ методъ предназначенъ для уясненія сходствъ и говоритъ, что это методъ новый, противоположный »старому«. Но и въ прежнее время и весьма давно примѣнялся сравнительный методъ только опять односторонне; именно цѣлію сличенія было уясненіе различій русскаго права отъ прочихъ. Вспомнимъ почтенные труды И. Д. Иванишева (»О платѣ за убійство«), Мацѣевскаго и другихъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ русской наукѣ не существовало примѣровъ (довольно многочисленныхъ) употребленія сравнительнаго метода къ уясненію сходствъ (не въ смыслѣ заимствованія русскими законовъ и учрежденій у другихъ народовъ, а именно

для уясненія одинаковыхъ условій и результатовъ жизни разныхъ народовъ). Эту именно цѣль имѣютъ труды Полеваго; тоже главн. обр. преслѣдуетъ и Эверсъ, хотя не чуждъ теоріи заимствованій.

Во всякомъ случаѣ русская наука давно употребляетъ сравнительный методъ изученія, но примѣняетъ его односторонне.

Хотя оба его примѣненія, въ ихъ исключительности, одинаково неудовлетворительны,—но желательно знать, какое изъ нихъ можетъ быть болѣе оправдано при изученіи »національнаго« права?

Очевидно, что приступая къ изученію англійскаго или греческаго права мы прежде всего имѣемъ въ виду изученіе именно англійскаго, именно греческаго права, а не общечеловѣческаго, т. е. насъ интересуютъ въ такомъ случаѣ болѣе особенности національнаго права, чѣмъ тѣ общечеловѣческія черты, въ которыхъ конечно греки сходны съ англичанами, благодаря единству психологическихъ и физіологическихъ законовъ, управляющихъ природою человѣка. Другое дѣло если мы пожелаемъ узнать всемірное развитіе права, если имѣемъ дѣло со всеобщею исторіею какого-либо института; тогда наша мысль направляется на уясненіе сходствъ; иначе мы и не узнаемъ вовсе того, что составляетъ сущность всемірной исторіи, т. е. общихъ законовъ, управляющихъ правомъ всего человѣчества.

Ясно, что хотя цѣль всякой исторіи права состоитъ въ уясненіи какъ сходствъ, такъ и разностей, но въ изученіи національнаго права должна преобладать послѣдняя цѣль, при изученіи же всеобщаго права—первая. Иначе исторія всякаго національнаго права была бы безплоднымъ 101-мъ повтореніемъ одного и того же.

Въ частномъ примѣрѣ, кто пишетъ, какъ Б. Н. Чичеринъ, исторію представительныхъ учрежденій вообще, тотъ преслѣдуетъ цѣль—уяснить одинаковый правомѣрный характеръ представительныхъ учрежденій у разныхъ народовъ; спеціальныя различія для него не существенны. Тотъ, кто изслѣдуетъ русскіе земскіе соборы, прежде всего преслѣдуетъ цѣль уяснить значеніе земскихъ соборовъ (а не представительной системы вообще), опредѣлить отличіе русской представительной системы отъ прочихъ. Только тогда задачи обоихъ изслѣдователей не сольются. Въ данномъ случаѣ цѣли двухъ изслѣдо-

вателей не совпали только потому, что оба писателя выполнили какъ разъ взаимно противоположныя задачи. Б. Н. Чичеринъ старался доказать, что русскіе земскіе соборы не имѣютъ ничего общаго съ западными представительными учрежденіями (и потому трудно понять, зачѣмъ о нихъ зашла рѣчь въ его книгѣ), а В. И. Сергѣевичъ блистательно доказалъ, что земскіе соборы и западно-европейскіе парламенты и штаты суть въ существѣ одно и тоже учрежденіе.

Указаннымъ нами путемъ поступаютъ въ естественныхъ наукахъ, излагая въ общей физіологіи и анатоміи животныхъ общія черты, принадлежащія всѣмъ животнымъ, а при изученіи каждаго класса и семейства—спеціальныя. Было бы странно, если бы изслѣдователь посвятившій свою работу классу млекопитающихъ, главною цѣлію ея считалъ доказать, что млекопитающія имѣютъ сходство съ прочими животными. Читатель потребовалъ бы отъ него, чтобы онъ предпочтительнѣе уяснялъ, чѣмъ взятый классъ отличается отъ прочихъ.

Первый повидимому вовсе ненужный пріемъ встрѣчается однако въ наукѣ не рѣдко и не безъ основательной причины; это бываетъ тогда, когда еще не рѣшено, къ какому виду или классу отнести избранный предметъ. Въ примѣненіи къ русской исторіи существовало долго именно это сомнѣніе. Включивъ себя съ XVIII в. въ европейскую семью, Русь до сихъ поръ посредствомъ науки стремится доказать, что она достойно стоитъ въ Европѣ, что у ней были такія же учрежденія, какъ и въ Западной Европѣ. Все еще сквозь эти усилія проглядываетъ сомнѣніе и неувѣренность. Тоже произошло и съ исторіею земскихъ зборовъ. Многіе до сихъ поръ добродушно убѣждены, что сравненіе земскихъ соборовъ съ европейскими парламентами только унижаетъ эти послѣдніе. Думаемъ, что только господство такой неувѣренности въ собственномъ человѣческомъ и общеевропейскомъ достоинствѣ побуждаетъ русскихъ историковъ употреблять преимущественныя усилія на указаніе въ національномъ характерѣ и правѣ общечеловѣческихъ чертъ. По крайней мѣрѣ ни англійская, ни нѣмецкая наука никогда не настаивала на этомъ при изученіи своей національности. Нужна нѣкоторая спокойная увѣренность, что мы во первыхъ люди,

вовторыхъ индоевропейцы; тогда мы поймемъ важность уясненія того, почему мы называемся русскими.

Но намъ говорятъ, что изученіе сходствъ имѣетъ другое значеніе. Именно, что только чрезъ изученіе сходныхъ учрежденій у разныхъ народовъ, развивавшихся независимо другъ отъ друга, получается увѣренность, что въ ходѣ исторіи есть что то непроизвольное.

Непроизвольность, или иначе законность въ развитіи исторіи проявляется не только въ томъ, въ чемъ всѣ люди сходны, но и въ томъ, въ чемъ они различны. Необходимое условіе человѣческаго развитія есть разнообразіе по національностямъ; всѣ особенныя черты національностей столь же человѣчны, какъ и общія. Въ этихъ различіяхъ законъ связи, причинъ и слѣдствій проявляется рельефнѣе, чѣмъ въ сходствахъ. Въ самомъ дѣлѣ не легко уяснить эту причинную связь, когда мы видимъ, что люди, стоящіе въ разныхъ экономическихъ, географическихъ и историческихъ условіяхъ, дѣйствуютъ однако одинаково.

Спеціальныя особенности націи, или человѣка, составляютъ именно »достоинство« этой націи, или человѣка Мы цѣнимъ историческаго дѣятеля потому и по стольку, что и сколько онъ сдѣлалъ, а не потому, что онъ жилъ, какъ и всѣ другіе. Если человѣкъ тѣмъ только и извѣстенъ, что онъ человѣкъ, то исторія обойдетъ его мимо; а жизнь признаётъ и называетъ такихъ людей дюжинными. Поэтому напрасно многоуважаемый авторъ написалъ слѣд: »Подъ перомъ нѣкоторыхъ отечественныхъ писателей несходство нашего историческаго развитія съ развитіемъ западныхъ народовъ, самобытное движеніе нашей исторіи — обратилось даже въ *какое-то* достоинство русскаго народа«. Это и есть »не какое-то«, а совершенно опредѣленное и несомнѣнное достоинство, которое впрочемъ принадлежитъ не одному русскому народу и потому не составляетъ его преимущественной заслуги предъ человѣчествомъ. Было бы справедливѣе упрекнуть этихъ писателей въ томъ, что подъ ихъ перомъ нерѣдко нисшія ступени культуры обращались въ національныя черты, достойныя уваженія и поддержки. А въ этомъ грѣшили многіе. Равнымъ образомъ многіе грѣшили и тѣмъ, что приписывали спеціально

русскому народу то, что въ дѣйствительности свойственно всѣмъ народамъ. Но мы не знаемъ ни одного писателя, который бы находилъ, что *вся* русская жизнь не похожа на жизнь прочихъ народовъ, кто бы раздѣлялъ родъ человѣческій 1) на людей, 2) на русскихъ. Скажемъ болѣе: національныя разности и составляютъ запасъ общечеловѣческаго права;—развиваясь до извѣстной степени совершенства, онѣ то и дѣлаются общечеловѣческими. Такъ римское право, благодаря именно одностороннему развитію своего особеннаго характера, довело гражданское право до общечеловѣческой пригодности. Въ этихъ именно особенностяхъ заключается матеріалъ общечеловѣческаго права, а не въ тѣхъ непроизвольныхъ, инстиктивныхъ сходствахъ, которыя уравниваютъ напр. всѣхъ дикарей или дѣлаютъ похожими другъ на друга всѣхъ дѣтей. Взрослый мужъ, мужественное право должны имѣть свой характеръ (повторяемъ не тотъ, который состоитъ изъ недостатковъ и пороковъ),—и въ немъ оправданіе его жизни, чрезъ него человѣкъ, или народъ выходитъ изъ разряда лишнихъ людей, лишнихъ народовъ.

Если мы остановились довольно долго на первыхъ страницахъ изслѣдованія г. Сергѣевича, то только въ виду важности мысли, мимоходомъ высказанной авторомъ,—мысли, опредѣляющей собою всю науку.

Но хотя онъ и предназначаетъ сравнительный методъ только на уясненіе сходствъ, однако въ дальнѣйшемъ изложеніи самаго предмета отнюдь не держится этого; живое чутье исторической правды, столь свойственное этому писателю, было причиною того, что вся работа сравнительнаго наблюденія надъ земскими соборами привела его преимущественно къ указанію различій нашихъ земскихъ соборовъ отъ представительныхъ учрежденій Западной Европы.

Первая причина, или какъ говоритъ авторъ, условіе возникновенія представительной системы у всѣхъ европейскихъ народовъ, есть расширеніе государственной территоріи, препятствующее гражданамъ принимать непосредственное участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Но это условіе, очевидно, чисто внѣшнее; оно способствуетъ возникновенію представительной системы, а не вызываетъ

ея. Новгородская область была не мала; велико было и Московское государство XIV, XV и первой половины XVI в.; не мала и древнеримская республика. Но ни одно изъ этихъ государствъ не пришло къ представительной системѣ правленія. Поэтому самъ авторъ переходитъ къ другому условію возникновенія представительной системы, — именно къ отношенію королевской власти къ сословіямъ. Или королевская власть, въ борьбѣ съ феодальною аристократіею, ищетъ поддержки въ городскихъ общинахъ, только что освободившихся отъ власти феодальныхъ владѣльцевъ, при помощи королей (какъ во Франціи), или аристократія, въ борьбѣ съ королевскою властію, опирается на городскія общины (какъ въ Англіи). Было ли что либо подобное въ Московскомъ государствѣ? Историческій тактъ, свойственный нашему историку, заставляетъ его признаться: »Освобожденіе городовъ является въ западныхъ государствахъ однимъ изъ условій образованія представительства. Этого условія не замѣчаемъ въ московскомъ государствѣ. Различіе это объясняется инымъ положеніемъ нашихъ городовъ: они не находились въ феодальной зависимости, а всегда стояли въ непосредственныхъ къ государю отношеніяхъ. Объ освобожеденіи ихъ, по этому, у насъ не могло быть рѣчи«. Итакъ въ чемъ же сходство? Въ борьбѣ монархической власти съ боярами, отвѣчаетъ авторъ. Оставимъ безъ вниманія естественно рождающійся вопросъ: почему монархическая власть могла разсчитывать на городскія общины въ этой борьбѣ съ боярствомъ, если городскія общины ни чѣмъ не обязаны первой и ничѣмъ не возбуждены противъ втораго. Но самая эта борьба съ боярствомъ такая ли аксіома, чтобы на ней опирать дальнѣйшіе историческіе выводы? Давно укоренилось мнѣніе, оправдывающее неистовства Грознаго мнимою борьбою съ боярами. Не будемъ напоминать, что отъ мономаніи звѣрства этого царя страдалъ въ равной степени низшій народъ, что люди, которыми былъ запруженъ Волховъ, не все бояре. Для насъ интересно знать, какая борьба самодержавія съ боярами предшествовала созванію перваго собора? Намъ указываютъ признаки аристократическихъ стремленій въ боярскомъ правленіи въ малолѣтство Грознаго. Но стремилось ли

тогда эта мнимая аристократія ограничить права самодержавія? Отнюдь нѣтъ; это была борьба придворныхъ партій, изъ которыхъ каждая опиралась на самодержавную власть младенца царя. Каждая партія, или правильнѣе каждая фамилія или лицо губили другую партію, фамилію или лицо той же кажущейся аристократіи, а не поддерживали ее. Грозный дѣйствительно былъ возбужденъ противъ *бояръ*, (временщиковъ, отдѣльныхъ лицъ), но не *боярства*, котораго вовсе не было среди понятій и учрежденій Московской Руси. Гдѣ это могущество боярства, съ которымъ боролся Грозный? Не въ тѣхъ ли лицахъ, которыя по словамъ Герберштейна чтили царя, какъ Бога, которымъ Иванъ III говорилъ: иди, холопъ, не надобенъ ты мнѣ? Какъ наконецъ говорить серьезно о борьбѣ съ боярами, когда самое боярство въ Москвѣ сдѣлалось *чиномъ*, пожалованіе которымъ зависѣло отъ воли государя? Проф. Соловьевъ первый рѣшившійся оправдывать Грознаго борьбою съ мнимымъ боярствомъ, самъ съ большою рѣзкостью противопоставляетъ значеніе боярской думы при Иванѣ III и Василіи Ив. правамъ и значенію литовско-русскаго сената.

Конечно вопросъ о сословіяхъ московскаго государства есть вопросъ для многихъ темный, и потому одни и тѣже изслѣдователи то считаютъ служилый классъ за служилый только, то готовы отыскивать въ немъ аристократію; то смѣшиваютъ боярство съ дворянствомъ, то противополагаютъ ихъ другъ другу какъ враждебные элементы; одни и тѣ же изслѣдователи находятъ у насъ въ эпоху Ивана III и Василія и даже много раньше чисто самодержавную форму верховной власти, и въ тоже время считаютъ возможнымъ трактовать о борьбѣ Грознаго съ аристократіею. Въ движеніи науки есть такіе же законы, какъ въ движеніи жизни: если въ наукѣ остается нерѣшеннымъ какой либо существенный вопросъ, то это отзовется невыгоднымъ образомъ на изслѣдованіи учрежденій повидимому совсѣмъ далекихъ отъ него; почти всякое изслѣдованіе въ области русскаго государственнаго права будетъ или дѣйствительно недоказательно, или будетъ казаться такимъ, благодаря присутствію впереди нерѣшеннаго вопроса о сословіяхъ. Пора-бы и очень пора исторіи русскаго права обратиться къ рѣшенію этого вопроса, существенно важнаго не только для исторіи, но и для жизни.

Хотя попытки рѣшенія этого вопроса и при томъ весьма значительныя сдѣланы (А. Д. Градовскій: »Ист. мѣстн. управл.«, стр. 86 и слѣд.), хотя всѣ, занимавшіеся рѣшеніемъ вопроса о русскихъ сословіяхъ приходили къ отрицанію сословной организаціи въ московскомъ государствѣ (сл. кромѣ указаннаго сочиненія еще А. В. Романовича-Славатинскаго: Дворянство, стр. 2), но въ наукѣ упорно держится мысль о сословіяхъ Московскаго государства, въ смыслѣ сословій западно-европейскихъ. Быть можетъ эта мысль когда-нибудь будетъ доказана и оправдана; но пока она ни чѣмъ не доказана, нельзя дѣлать изъ нея дальнѣйшихъ выводовъ. Ниже мы приведемъ фактическія данныя, показывающія, основательна ли мысль о земскихъ соборахъ, какъ средствѣ борьбы монархіи съ бояретвомъ.

Возмемъ другой самый важный вопросъ—о составѣ соборовъ по сравненію съ составомъ англійскаго парламента и французскихъ генеральныхъ штатовъ. Не говоря пока о способѣ выбора депутатовъ, т. е. о томъ—происходилъ-ли онъ по сословіямъ (какъ думаетъ В. И. Сергѣевичъ), или по округамъ (какъ думалъ И. Д. Бѣляевъ), мы обращаемся къ распредѣленію депутатовъ на самомъ соборѣ при обсужденіи и постановленіи рѣшенія. В. И. Сергѣевичъ отмѣчаетъ извѣстную истину, что въ Англіи и Франціи »первоначальный порядокъ, засѣданій является въ формѣ трехъ отдѣльныхъ палатъ«. Тутъ собраны не представители государства, а представители сословій, изъ которыхъ каждое было въ нѣкоторомъ смыслѣ государствомъ. »Въ Московскомъ государствѣ, замѣчаетъ самъ В. И. Сергѣевичъ, образованіе сословій шло инымъ путемъ, чѣмъ въ западной Европѣ (какимъ же? остается неизвѣстнымъ). Посадскіе люди никогда не были въ зависимости у дворянъ, а потому у насъ не могло представляться невозможнымъ, съ точки зрѣнія сословныхъ приличій, соединеніе всѣхъ членовъ собора для совокупнаго отвѣта на рѣчь государя«. Не только не могло представляться невозможнымъ, но такъ и было обыкновенно. И здѣсь былъ вопросъ не о приличіяхъ, а о самой существенной чертѣ представительныхъ учрежденій,—составляютъ ли они одинъ органъ мысли и воли государства, или это есть внѣшнее соединеніе отдѣльныхъ сословныхъ учрежденій, выражающихъ волю только каждаго сословія въ частности.

Извѣстно, что у насъ чины собираются вмѣстѣ для выслушанія рѣчи государя, открывающей соборъ, гдѣ указывается цѣль собора и т. д.; потомъ раздѣляются по »статьямъ« для обсужденія; затѣмъ составляется второе общее засѣданіе для постановленія рѣшенія, или по крайней мѣрѣ для доклада государю о состоявшихся мнѣніяхъ и для подписи актовъ собора наиболѣе важныхъ (избирательныхъ грамотъ, Уложенія). Если соборъ созванъ для рѣшенія одного вопроса (Соборъ 1618 г. сент. 9), то всѣ акты собора сливаются въ одинъ и всѣ чины засѣдаютъ вмѣстѣ. Это же относится, надобно думать (судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ) ко всѣмъ соборамъ избирательнымъ.

Но если соборъ и раздѣляется на группы, то что значитъ распредѣленіе по »статьямъ«? Тоже-ли, что раздѣленіе по сословіямъ? Сословія московскаго государства (если это сословія, а не классы) были слѣдующія: служилые люди, тяглые и духовные. Составлялись-ли по этимъ тремъ классамъ у насъ три палаты? Авторъ отвѣчаетъ намъ слѣдующее: »*По всей вѣроятности* чины собора занимали мѣста по сословіямъ«. Но тутъ нельзя говорить о »вѣроятности«, когда мы имѣемъ протоколъ собора, рѣшающій дѣло съ несомнѣнностію: чины никогда не засѣдали по сословіямъ, а всегда по »статьямъ«. Но »статьи« вовсе не сословія. Напримѣръ: первая статья (бояре, окольничіе и думные люди) есть не что иное какъ боярская дума, т. е. учрежденіе, такое же какъ нынѣ сенатъ, а не сословіе. Въ члены думы жаловались, а не рождались ими. Всего-бы скорѣе можно было ожидать, что члены боярской думы въ сословномъ отношеніи примкнутъ къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, по своей противоположности съ тяглыми людьми; такъ и увѣряетъ насъ г. Сергѣевичъ, говоря, что различные способы отбыванія государственныхъ повинностей возбуждали солидарность между всѣми служилыми людьми, и противоположность ихъ людямъ тяглымъ. Оказывается нѣчто совершенно обратное: самъ авторъ приводитъ примѣръ собора $164^8/_9$ г., который по его мнѣнію подтверждаетъ мысль о сословномъ составѣ собора: »изъ оффиціальнаго протокола этого собора видно, что засѣданія его происходили въ двухъ разныхъ палатахъ: въ одной находились государь, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди; въ отвѣт-

ной палатѣ собирались всѣ выборные люди, какъ дворяне такъ и посадскіе. Замѣтимъ мимоходомъ, что это раздѣленіе на двѣ палаты основано повидимому на неправильномъ истолкованіи предисловія къ Уложенію. Но положимъ такъ: въ одной палатѣ дума и духовный соборъ, т. е. учрежденія, постоянно дѣйствовавшія въ московскомъ государствѣ, не представители; въ другой — всѣ представители, т. е. выборные, какъ дворяне, такъ и тяглые. Развѣ это дѣленіе по сословіямъ? Авторъ знаетъ протоколы другаго собора, менѣе сомнительные и рѣшающіе взятый вопросъ совершенно отчетливо,—именно собора 1642 г.; но такъ какъ это указаніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ его мыслію о сословномъ составѣ соборовъ, то онъ и считаетъ его исключеніемъ. Но какъ можно считать исключеніемъ историческое указаніе, когда это указаніе — единственное? До насъ сохранились протоколы только одного собора 1642 года. Этотъ соборъ раздѣляется на слѣдующія статьи: 1) духовный соборъ, 2) стольники, 3) дворяне московскіе, 4) головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ, 5) депутаты города Владиміра, 6) Нижегородцы, 7) Костромичи, Галичане, Новгородцы, Ростовцы, Пошехонцы и пр., 8) дворяне южныхъ городовъ, 9) гости и гостиной суконной сотенъ торговые люди; 10) черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старосты. Неужели все это сословія? Очевидно соборъ дѣлился довольно произвольно по статьямъ для легкости обсужденія дѣла, безо всякаго вниманія къ сословному положенію.

Никакихъ другихъ доказательствъ сословнаго распредѣленія членовъ собора авторъ не представилъ, если не считать примѣра соборовъ частныхъ не полныхъ, т. е. такихъ, которые состояли изъ представителей одного какого либо класса, созванныхъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся этого только класса; таково напримѣръ собраніе служилыхъ людей при Өеодорѣ Алексѣевичѣ, на которомъ уничтожено мѣстничество. Но эти коммиссіи никто и не долженъ называть земскими соборами. Тутъ вовсе не имѣлось въ виду собрать представителей государства.

И такъ въ двухъ самыхъ важныхъ вопросахъ: объ условіяхъ возникновенія представительной системы и о составѣ собора, самъ

авторъ представляетъ намъ яркія различія нашихъ земскихъ соборовъ отъ представительныхъ учрежденій Западной Европы.

Между тѣмъ стремленіе отыскать сходства въ другихъ случаяхъ помѣшало автору уяснить существенныя черты нашей московской системы представительства. Таковъ напримѣръ вопросъ о порядкѣ выбора депутатовъ, или вѣрнѣе о томъ, что призваны были представлять эти депутаты. Происходилъ-ли выборъ по сословіямъ, или по округамъ? Извѣстно, что дошедшіе до насъ акты не даютъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ. Думать надобно, что выборы дѣйствительно производились отдѣльно—духовенствомъ, дворянами и посадскими (можетъ быть вообще тяглыми). Но вопросъ состоитъ не въ томъ, какъ для удобства дѣла происходили механическіе пріемы выборовъ. Если въ нынѣшнихъ земскихъ учрежденіяхъ выборы избирателей происходятъ отдѣльно отъ землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ, то никто не скажетъ, что чрезъ это земскія собранія становятся сословными. Вопросъ въ томъ, что́ должны были представлять выборные—интересы-ли извѣстнаго города, или интересы сословія? Мы не знаемъ могли-ли посадскіе избирать духовныхъ и дворянъ, и обратно, но намъ совершенно извѣстно, что на соборѣ всѣ депутаты извѣстнаго округа разматривались какъ представители округа.

Въ подписяхъ »утвержденныхъ грамотъ«, т. е. рѣшеній собора, выступаетъ отчетливо этотъ принципъ: за весь извѣстный городъ часто подписывался одинъ. Напримѣръ на актѣ собора 1613 за городъ Курскъ подписался одинъ вмѣсто выборныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ жилецкихъ и уѣздныхъ людей. Представителей Тулы дворянъ 8, и всѣ подписались, но одинъ изъ нихъ расписался вмѣсто всѣхъ выборныхъ туляковъ: дворянъ (sic), посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей. Выборныхъ отъ Брянска 5 дворянъ, всѣ собственноручно подписались; но сверхъ того одинъ—протопопъ извнутри города подписался за дворянъ (sic), дѣтей боярскихъ, посадскихъ, пушкарей, затинщиковъ, стрѣльцовъ и уѣздныхъ людей. Какъ понимать эти подписи? Здѣсь нельзя предположить, что одинъ грамотный расписывается за другихъ товарищей—депутатовъ неграмотныхъ и именно за земляковъ по знакомству; или что ко вре-

мени подписи акта большая часть депутатовъ разъѣхались уже и за нихъ подписывается одинъ. То и другое опровергается тѣмъ, что подписи многихъ депутатовъ одного города есть на лицо, но сверхъ того одинъ расписывается за всѣхъ туляковъ, калужанъ и курянъ. Тамъ, гдѣ не сказано, что подписка идетъ за выборныхъ, тамъ ясно, что подъ именемъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, посадскихъ разумѣются не депутаты, а населеніе, именно все населеніе уѣзда безъ различія классовъ. Такова именно подпись одного тульскаго депутата за всѣхъ туляковъ, хотя рядомъ съ этою подписью стоятъ собственноручныя подписи другихъ туляковъ дворянъ. Если и случаются подписи одного за дворянъ, а другаго—за посадскихъ и прочихъ классовъ жителей, то всегда подписи депутатовъ одного уѣза стоятъ рядомъ.

Итакъ предъ государствомъ являются депутаты отъ уѣздовъ или другихъ округовъ, а не сословій.

Стремленіе опредѣлить лишь сходства заставило г. Сергѣевича указать причины прекращенія созыва соборовъ такія, которыя отнюдь нельзя признать. По его мнѣнію, соборы какъ первоначально возникли ради борьбы съ боярами, такъ и окончились въ слѣдствіе перевѣса бояръ и духовенства. Онъ задаетъ вопросъ: почему Алексѣй Михайловичъ въ послѣдніе 23 года своего царствованія (слѣдовало сказать—21 годъ) не созывалъ соборовъ? Автору хорошо извѣстно, какъ мало дошло до насъ свѣдѣній о соборахъ, дѣйствительно бывшихъ, и какъ было бы ошибочно предполагать, что мы знаемъ всѣ соборы бывшіе въ XVII в.; такъ изъ случайнаго указанія Кошихина мы знаемъ, что былъ соборъ при возшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича: »По смерти же его (Михаила Ѳеодоровича) осталися: сынъ его царевичъ Алексѣй Михайловичъ, да три тщери царевны. И мало времени минувше, патріархъ и архіепископы и епископы и архимандриты и игумены и весь духовной чинъ соборовали, и бояре и околничіе и думные люди, и дворяне и дѣти боярскіе, и гости и торговые люди, и чернь, послѣ смерти прежняго царя, на царство обрали сына его, нынѣшняго царя (т. е. Алексѣя Михайловича) и учинили коронованіе въ соборной болшой церкви....« (I. 6).

Между тѣмъ ни актовъ собора, ни малѣйшихъ слѣдовъ дѣятельности его мы не имѣемъ. Такія же случайныя извѣстія дошли до насъ о соборѣ 1584 г., на которомъ былъ избранъ царь Θеодоръ Ивановичъ, въ мемуарахъ Горсея: »4-го мая было засѣданіе парламента, который составляли митрополитъ, архіепископы, пріоры и главное духовенство и все дворянство«. В. И. Сергѣевичъ признаетъ совершенно справедливо, что составленію проэкта Уложенія предшествовалъ земскій соборъ (1646 или 1647 г.); но о немъ мы догадываемся только потому, что къ составленію проэкта Уложенія приступили »по челобитью всѣхъ людей московскаго государства«. Но допустимъ, что въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя соборовъ дѣйствительно не было; нужно вспомнить — удобно ли было это время для созыва соборовъ. Непрерывная война съ Польшею и Швеціею, бунтъ Разина, движеніе раскола едва ли позволяли собрать представителей, когда большинство дворянъ было въ войскахъ и за границею. Наконецъ самъ авторъ причисляетъ къ земскимъ соборамъ тѣ неполныя коммиссіи, которыя созывали изъ представителей того и другаго класса населенія цари Алексѣй и Θеодоръ Алексѣевичъ.

Очевидно, что конецъ созыва соборовъ нужно отнести къ началу реформъ (къ правленію Софьи и Петра I). Тогда причины исчезновенія соборовъ будутъ ясны: верховная власть, проводя въ жизнь новыя нормы вопреки обычному праву (т. е. народному сознанію о правѣ), не могла въ этой дѣятельности опираться на представителей народа; напротивъ должна была ожидать въ нихъ лишь противодѣйствія и порицанія.

Думаемъ, что авторъ самъ себя лишилъ большой помощи для вывода вполнѣ вѣрныхъ результатовъ, отстранивъ отъ своей задачи т. н. избирательные соборы. Разсматривая всѣ земскіе соборы въ совокупности, онъ конечно открылъ бы, что духовенство и бояре, которымъ не нравились земскіе соборы, не созывали бы ихъ во времена междуцарствій; а воспользовались бы своею легальною властію интеррекса какъ для выбора государя, такъ и для утвержденія собственной власти. Между тѣмъ избирательные соборы созываются именно боярами и духовенствомъ. Хотя при созывѣ собора

1613 года большей части членовъ боярской думы не было въ Москвѣ, и соборъ созванъ вождями ополченія, но въ призывныхъ грамотахъ неизмѣнно стоитъ постоянная формула: »отъ бояръ, отъ воеводъ...« и т. д. Далѣе соборъ не выдѣлялъ своихъ правъ и интересовъ отъ правъ и интересовъ бояръ и не приступалъ ни къ какимъ дѣйствіямъ до возвращенія членовъ Думы, хотя именно въ эту эпоху многіе изъ бояръ достаточно себя скомпрометировали измѣною. Всѣ остальные избирательные соборы (1584, 1598, 1645 гг.) созваны были духовенствомъ и боярами. Сверхъ того и неизбирательные соборы созывались по настоянію боярской думы и духовенства; такъ соборъ 1619 года былъ собранъ по требованію духовенства; соборъ 1648 года (обсудившій и утвердившій Уложеніе) созванъ былъ такъ: »указалъ государь, по совѣту со отцемъ своимъ ....патріархомъ.... и бояре приговорили выбрать изъ стольниковъ.... такъ же всѣхъ городовъ изъ дворянъ... по 2 человѣка...« и т. д. Это свидѣтельство предисловія къ Уложенію отнюдь не противорѣчитъ свидѣтельству грамоты о созывѣ депутатовъ (А. А. IV, 27), по которой составленіе Уложенія предпринято по ходатайству какого-то земскаго собора прежде бывшаго; земскій соборъ рѣшилъ составить Уложеніе; но боярская дума и духовенство рѣшили созвать выборныхъ для обсужденія и утвержденія составленнаго уже проэкта Уложенія.—Наконецъ у насъ есть указаніе важнѣе всѣхъ предыдущихъ. Боярская дума пользовалась верховною властію во время великаго междуцарствія и въ договорѣ съ Владиславомъ намѣревалась и имѣла полныя удобства перестроить государство по собственнымъ идеаламъ и интересамъ. Извѣстная договорная запись Владислава, эта русская конституціонная хартія XVII в., есть всецѣло произведеніе бояръ, т. е. членовъ Думы. Въ ней между прочимъ рѣчь идетъ о формѣ законодательной власти. Что же, узурпировала ли Дума право законодательства въ свою исключительную пользу? Нѣтъ, въ грамотѣ постановляется: законодательная власть принадлежитъ государю, боярской думѣ и земской думѣ (»а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити (законы) для укрепленія судовъ,—государу на то поволити з думою бояръ и всее земли, штобъ было все праведно«). Послан-

ные для переговоровъ представители бояръ и духовенства (знаменитые и искренніе борцы за интересы Русской земли) считали себя послами отъ »всей земли« и въ переговорахъ съ панами утверждали, что безъ совѣта *всей земли* »не смѣютъ сдѣлать то, чего въ наказѣ у нихъ нѣтъ«; »безъ совѣта со свят. патріархомъ всея Руси и безъ совѣта съ боярами и *со всѣми людьми*, намъ нельзя пустить въ Смоленскъ польскихъ и литовскихъ людей«. Такой взглядъ на государственую организацію выражали представители боярства и духовенства. Взглядъ этотъ конечно вѣрнѣе отражаетъ состояніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ взглядъ В. И. Сергѣевича. Сословная рознь столь противна организаціи московскаго государства что нужно удивляться, какъ въ этомъ случаѣ измѣнило нашему автору его столь здоровое въ другихъ случаяхъ историческое чутье.

Можно ли послѣ всего этого утверждать, что бояре и духовенство уничтожили земскіе соборы? Не говоримъ уже о томъ, что авторъ самъ отождествилъ интересы бояръ и дворянъ, какъ членовъ одного служилаго класса; неужели можно при этомъ же увѣрять, что дворяне собрались на соборы для борьбы съ боярами?

Такая неточность представленій о самыхъ существенныхъ вопросахъ государственнаго устройства есть необходимое послѣдствіе избраннаго В И. Сергѣевичемъ метода, направленнаго къ уясненію лишь сходствъ нашихъ земскихъ соборовъ съ западными парламентами. Но въ этомъ виновато отчасти и произвольное выдѣленіе избирательныхъ соборовъ отъ прочихъ.

Что касается до этого послѣдняго, то оно совершенно произвольно. Земскіе соборы, избиравшіе государей и собиравшіеся при государяхъ суть одно и тоже учрежденіе, какъ по своему составу, такъ и по значенію. Если бы мы имѣли право дробить одно учрежденіе на нѣсколько по различнымъ пріемамъ дѣятельности его въ разныхъ случаяхъ, то мы должны бы были изъ одного древняго вѣча сдѣлать нѣсколько учрежденій (именно вѣче избирательное въ отсутствіе князя, вѣче совѣщательное, вѣче революціонное и вѣче хозяйственно-административное); точно также вмѣсто одного сената мы должны бы сдѣлать нѣсколько сенатовъ (1, сенатъ, управляю-

щій въ отсутствіе царя, 2, сенатъ, управляющій при царѣ, 3, сенатъ судебный и т. д.). Такъ и поступали иногда изслѣдователи относительно вѣча и боярской думы. Но не такъ поступалъ самъ В. И. Сергѣевичъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи: »Вѣче и Князь«.

Далѣе случалось, что *одинъ и тотъ же* земскій соборъ и избиралъ государя и оставался засѣдать при избранномъ царѣ (соборъ 1613 г.).

Это произвольное раздѣленіе соборовъ на двѣ категоріи помѣшало автору выставить съ бо́льшею рельефностью его мысль о значеніи соборовъ, превышающемъ значеніе совѣщательное; а въ этой мысли заключается важнѣйшая и лучшая заслуга разбираемой статьи.

Такъ какъ этою мыслію авторъ обязанъ сравнительному методу изслѣдованія, то очевидно, что въ другихъ спорныхъ и неясныхъ выводахъ его виноватъ не сравнительный методъ, а одностороннее примѣненіе его.

Поэтому, надѣемся, читатель видитъ, что мы отнюдь не настаиваемъ на разсмотрѣніи нашихъ земскихъ соборовъ, какъ учрежденія, не имѣющаго ничего общаго съ западными представительными учрежденіями той же исторической ступени. Мы настаиваемъ на всестороннемъ сравненіи этихъ учрежденій, при чемъ сами собой уяснятся и черты сходства и пункты различія,—иначе говоря, и общечеловѣческій характеръ учрежденія и его національныя особенности.

Надѣемся также, что высказанныя соображенія будутъ приняты за доказательство того, что мы признаемъ огромное научное значеніе за небольшимъ по объему новымъ изслѣдованіемъ уважаемаго автора.

М. Вл.-Будановъ.

1875 г., Октября 4.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1875 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Кіевъ. Въ Университетской типографіи

